

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР И ИНСТИТУТА МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 7

Июль 1958 г.

НОВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ РАБОТЫ О ЧЕХОВЕ

Традиция изучения творчества Чехова начала складываться в Англии уже с первых годов нашего столетия, когда вслед за опубликованием первого сборника его рассказов (1903) почти ежегодно стали появляться переводы чеховских произведений¹. При всем разнообразии работ о Чехове, вышедших в Англии до второй мировой войны, работ, единодушных в признании высоких художественных достоинств писателя, — они в большинстве своем отразили две тенденции, характерные для английской «чеховианы».

Изучая, по преимуществу, художественную сторону произведений Чехова, отдавая дань умению писателя изображать скрытые движения человеческой души, передавать «настроения» и «атмосферу», поэтически рисовать пейзаж, английские литературоведы, как правило, оставляли нераскрытым идейное содержание его книг. Это объяснялось, отчасти, бытовавшим на Западе мнением о Чехове как о художнике, равнодушном к общественной борьбе своего времени. Отдельные верные наблюдения, касающиеся мастерства писателя, обесценивались неправильным толкованием его метода. Чехов изображался то модернистом, то натуралистом, то импрессионистом, то просто писателем для избранных.

Примером проявления подобных тенденций является, в частности, статья о Чехове в Британской энциклопедии (1947), отличающейся, как известно, своим консерватизмом. В ней Чехов объявлялся писателем, воссоздающим не живые образы, а лишь неясные смутные настроения людей, безвольных и мятущихся, «подобно Гамлету».

С этой тенденцией была непосредственно связана и другая, которую теперь справедливо называют «легендой о Чехове». Ее истинным «создателем» был реакционный русский критик Лев Шестов, чей очерк о Чехове был переведен на английский язык (1916) и оказал существенное влияние на буржуазную критику. В интерпретации Шестова Чехов выглядел безысходным пессимистом. Печальную роль в распространении этой легенды сыграли также Д. Мережковский и Янко Лаврин, английский профессор, специалист по русской литературе.

Правда, в самой Англии, например, в среде писателей-реалистов раздавались нередко правильные, трезвые суждения о творчестве Чехова. Так, Арнольд Беннет говорил, что писатель «достиг абсолютного реализма», а Бернард Шоу увидел в его пьесах суровый приговор обществу бездельников и паразитов.

Отрадно отметить, что в послевоенные годы в изучении творчества Чехова в Англии проявились плодотворные тенденции, которые можно считать новым этапом в английской «чеховиане». Этому способствовало несколько факторов: углубившийся интерес к культуре и литературе нашей страны, завершение переводов основных произведений Чехова, опубликование дневников и переписки писателя, новых мемуарных материалов, а также знакомство с работами советских литературоведов.

¹ По данным библиографического указателя изданий Чехова на английском языке (Нью-Йорк, 1949), в Англии к этому времени было зарегистрировано 78 работ о Чехове. К этому же времени рассказы Чехова издавались 46 раз, пьесы — 13, письма и дневники — 7; кроме того, произведения писателя печатались в 6 антологиях. Особенный интерес к Чехову проявлялся в Англии после окончания первой мировой войны.

В 1947 году профессор Кембриджского университета У. Брэффорд выпустил книгу «Чехов и его Россия»¹. Свою задачу исследователь видит в том, чтобы «пролить свет на Чехова и Россию, посмотреть на Россию глазами Чехова и оценить писателя, исходя из русской действительности его времени». Книга Брэффорда — несомненный шаг вперед по сравнению с прежними работами субъективистского толка уже хотя бы потому, что она обстоятельно и интересно знакомит английского читателя с чеховскими реалиями. Заслуживает внимания в ней специальная карта путешествий Чехова по России, составленная исследователем и помогающая представить себе, где и когда собирал писатель материал для своих произведений.

Содержащая немало верных наблюдений, работа Брэффорда вызывает возражения в ряде своих выводов. Например, Чехов, глубоко национальный писатель-демократ, создавший незабываемые картины русской природы и образы русских людей, по мнению Брэффорда, выражал «настроения землевладельческой аристократии и интеллигенции», видящей свой идеал в «культурных, духовных и научных ценностях западной цивилизации».

В 1950 году вышла работа о Чехове Рональда Хингли², примечательная тем, что автор ее считает своей задачей прямое опровержение пресловутой «легенды о Чехове». «Почти каждый, — говорит он, — кто пишет сегодня о Чехове, начинает протестовать против широко распространенного мнения о писателе, которое обычно выражается такими стереотипными формулами, как «нежная страдающая душа» и «мудрый наблюдатель жизни с печальной улыбкой и тоскующим сердцем». В отличие от Брэффорда, Хингли широко использует советские работы о Чехове, влияние которых заметно ощущается в его книге.

Наиболее ценным представляется нам в работе Хингли анализ эволюции Чехова-новеллиста. Исследователь наглядно показывает, как из ранних рассказов Антоши Чехонте вырастали такие шедевры, как «Крыжовник» и «Человек в футляре». Хингли справедливо отмечает, что новаторство Чехова — новеллиста и драматурга наиболее полно проявилось в умении точно и кратко изображать правду жизни так, что за мелочами быта раскрывался большой социальный смысл. В то же время Хингли, как и Брэффорд, нередко отождествляет взгляды Чехова и взгляды его героев, забывая, что писатель, искренне любя лучших из них, всегда стоял выше и видел дальше своих персонажей.

Две интересные работы о Чехове опубликовал Дэвид Магаршак, переводчик и исследователь русской литературы. Его первая книга «Чехов-драматург»³, бесспорно, наиболее интересное английское исследование в этой области.

В развитии Чехова-драматурга Магаршак различает три периода. Первый период пьес «прямого действия» начинается с ранних водевилей и завершается драмой «Иванов». Пьесу «Леший» автор считает произведением «переходного периода», за которым наступает период пьес «непрямого действия», когда Чехов создает «Чайку», «Дядю Ваню», «Трех сестер» и «Вишневый сад». Надо отдать должное исследователю — он тонко и со вкусом раскрывает природу чеховской драматургии, многочисленными примерами иллюстрируя разнообразие его творческих приемов.

¹ W. Bruford, Chekhov and his Russia. A sociological study, London, 1947.

² Ronald Hingley, Chekhov. A biographical and critical study, London, 1950.

³ D. Magarshak, Chechov. The Dramatist, London, 1952.

сопоставляет варианты и отдельные произведения, рассказывает о прототипах чеховских героев, проникая в творческую лабораторию писателя.

Интересна мысль о том, что Чехов «был прирожденный драматург». Автор обнаруживает чисто драматургические элементы в развитии сюжета, в особенностях диалога и в характерной компактности чеховских новелл. Главное внимание он уделяет анализу «архитектуры» чеховских драм. Вместе с тем он отмечает, что мастерство Чехова подчинено одной цели, определяющей все искания художника, — отражению правды жизни.

Своей книгой Магаршак продолжает полемику с «легендой о Чехове». «Крупнейшей ошибкой большинства английских и американских постановщиков пьес Чехова, — пишет исследователь, — было истолкование их только как драмы человеческих разочарований». Он называет «Дядю Ваню» пьесой «веры и надежды». Жаль только, что автор слишком сжато характеризует идейное содержание чеховских пьес, — это помогло бы полнее раскрыть и обусловленность эволюции художественного метода писателя, и новаторский характер его драматургических конфликтов. Вызывают возражения также некоторые частности. Так, Магаршак сравнивает пьесы Чехова с древнегреческой драматургией. Думается, было бы полезней сопоставить их с пьесами Гоголя и Тургенева, — тогда новаторство Чехова предстало бы как закономерное развитие традиций русской классической драматургии.

Вслед за первой вышла вторая книга Д. Магаршака о Чехове¹, представляющая собой развернутую биографию писателя. Автор широко использует в ней первоисточники, а также новые письма Чехова, опубликованные в Советском Союзе. Его книга хорошо иллюстрирована, снабжена авторским и тематическим индексом. Достоинство книги в том, что в ней создан правдивый образ Чехова-человека, освобожденный от многих субъективистских наслоений, характерных для некоторых английских работ на ту же тему.

Автор детально описывает обстановку, в которой жил писатель, показывает его семейное окружение, рассказывает, как с детства в Чехове проявилась горячая жажда справедливости, как в столкновениях с суровой действительностью развивался талант художника. Подробно описана его общественная деятельность, поездка на Сахалин, отношение к делу Дрейфуса. обстоятельно прослеживается история создания основных чеховских произведений. В целом Магаршак правильно характеризует литературные и эстетические взгляды писателя, жаль только, что, говоря о его мировоззрении, исследователь опирается лишь на прямые высказывания Чехова, мало привлекая материал его художественных произведений.

В 1957 году опубликована вторая работа Брэфорда о Чехове — краткий очерк жизни и творчества. Работа вошла в издаваемую сейчас в Англии критико-биографическую серию «Труды по современной европейской литературе и философии»². Книга рассчитана на широкого читателя и дает общее представление о творчестве Чехова, привлекая значительный материал, накопленный в Англии. Автору знакомы и работы советских литературоведов, например, А. Дермана, С. Балухатого и В. Ермилова, он нередко ссылается на них, иногда полемизирует с ними.

¹ D. Magarshak, Chekhov. A Life, London, 1952.

² W. Bruford, Anton Chekhov, London, 1957.

В предисловии Брэфорд отмечает неослабевающий интерес к Чехову в Англии со стороны писателей, которые испытывают на себе могучее воздействие его творческой манеры. Автор признает, так же как и его предшественники, несостоятельность бытовавших долгое время в Англии воззрений на Чехова как на пессимиста, избравшего лишь ущербных и безвольных людей.

Книга состоит из трех глав. Первая из них посвящена раннему творчеству писателя. В ней прослежено становление Чехова-художника, начавшего творческий путь в юмористических журналах 80-х годов в условиях политической реакции и цензурного гнета. «В своем реализме, как и в своей любви к человеку,— пишет Брэфорд,— Чехов, бесспорно, продолжал традицию русской литературы, линию Гоголя, Гончарова, Тургенева и Толстого». Автор отмечает, что элементы критики российской действительности проявились уже в ранних рассказах Чехова, таких, как «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Толстый и тонкий», хотя необоснованно упрекает советских исследователей в том, что они якобы преувеличивают социальный критицизм писателя.

Брэфорд справедливо считает, что уже в раннем творчестве Чехова сложились основные черты его художественного метода, получившего дальнейшее развитие в произведениях 90—900-х годов. Специфику Чехова-художника он видит в лаконизме и изяществе формы, в умении передать еле заметные оттенки переживаний и настроений, в раскрытии характера через его поведение, наконец, в мастерском создании картин природы, гармонирующих с эмоциональным состоянием человека. Отмечая ярко выраженные языковые характеристики чеховских героев в ранних рассказах, Брэфорд полагает, что в поздних повестях и драмах речь чеховских персонажей лишилась индивидуальной характеристики, приблизившись к авторской. С этим трудно согласиться.

В главе, посвященной зрелому периоду творчества писателя, периоду, который, по мнению автора, начинался с рассказа «Именины» (1888), рассматривается то, что Брэфорд называет типично чеховской манерой. В рассказах и повестях позднего Чехова, отмечает Брэфорд, преобладают две тенденции — психологическая (рассказ «Припадок») и социологическая («Мужики», «В овраге»), которые иногда взаимно дополняют друг друга («Палата № 6»). Показательно, что в характеристике «Палаты № 6» Брэфорд опирается на оценку, данную этому произведению В. И. Лениным, справедливо считая, что это один из наиболее смелых и ярких по силе обличения чеховских рассказов, передающих «удушающую атмосферу» российской действительности. Особо выделены в работе такие произведения, как «Мужики» и «В овраге» (содержащие правдивое изображение крестьянского быта), хотя, характеризуя эти — и не только эти — произведения, автор почти ничего не говорит о том обличении буржуазно-собственнического, мещанского мира, которое составляет пафос творчества Чехова. Из фактов идейной эволюции писателя в 90-е годы Брэфорд отмечает преодоление идей «толстовства» и разрыв с Сувориным.

Анализируя драматургию Чехова, Брэфорд, как и Магаршак, отмечает, что элементы драматургической формы имелись еще в ранних рассказах Чехова, действие в которых распадается на ряд сцен, а самый сюжет носит нередко «водеvilный» характер. Чеховские пьесы раскрываются автором, по преимуществу, с точки зрения их структуры; менее удачен анализ их идейного содержания. Это относится, в первую очередь, к «Вишневому саду».

Говоря о гуманистическом пафосе драматургии Чехова, ставящей широкие

общечеловеческие проблемы, автор рассматривает ее как явление мирового значения. Особенно отмечает он призывы к созидательному труду («Дядя Ваня») и мысли о большом искусстве («Чайка»). Брэфорд признает пророческий смысл слов Тузенбаха о «здоровой, сильной буре», одновременно полагая, что советские исследователи преувеличивают социальный оптимизм Чехова. Происходит, это по-видимому, оттого, что автор не учитывает воздействие на писателя общественной атмосферы, не понимая, что сама предгрозовая пора, предшествовавшая русской революции 1905 года, обусловила те новые настроения веры в будущее, которые окрашивают такие произведения Чехова, как «Вишневый сад» и «Невеста».

Вместе с тем вопрос о мировоззрении писателя решается в книге, в общих чертах, правильно. Брэфорд справедливо говорит об отрицательном отношении писателя к доктринерству, о его вере в прогресс, в науку, об его идеале «свободной, естественной жизни». Вызывают возражения лишь некоторые формулировки, — например, называя Чехова «неисправимым либеральным гуманистом», Брэфорд тем самым связывает его с буржуазным либерализмом, который, как известно, был предметом язвительных насмешек со стороны великого писателя.

Несколько противоречивы суждения Брэфорда о творческом методе Чехова. Неоднократно говоря о реализме писателя, исследователь наряду с этим пытается сблизить его с модернистскими течениями. Нельзя согласиться и с утверждением автора о том, что Чехов будто бы стремился к созданию пьес в духе «психологического натурализма», равно как и с тем положением, что стремление писателя не морализировать по поводу событий, происходящих в его произведениях, является якобы выражением «объективизма, присущего разочарованному натуралистическому веку». Правда, этой формулировке Брэфорд придает ограниченное значение, относя ее к раннему творчеству Чехова.

В целом же книга Брэфорда и другие исследования, о которых мы говорили, несмотря на присущие им недостатки, свидетельствуют о том, что английские ученые добились несомненных успехов в изучении творчества великого русского писателя.